Максимиян фельдмаршалу объявил, что, конечно, [должен] сыскать опись для подлиннаго обличения сего камор-юнкеря. Ежели не сыщешь, то сам неправ будешь. Фельдмаршал просил у короля сроку на четыре месяца, для разобрания старых архивных писем, чтобы его ни для чего ко двору не требовать, так и от команд не репортовать. И король фельдмаршалу приказал дать сроку на четыре месяца, а камор-юнкера содержать под честным арестом и с квартеры выходить токмо за караулом.

А фельдмаршал, возвратившись в дом свой, велел ворота запереть, никого не пускать и стал мыслить, что делать и каким образом о сем [*л. 10*] осведомиться. А ежели не обличу, то самому и всей моей фамилии притъти [конец должен] будет. И вздумал так, чтобы самому ехать в Гишпанию и искать тайным образом, чтобы никто во Францы[и] не знал, кроме жены и детей, и некоторых ближних своих людей. Токмо взял с собой 30000 червонных. Для оного случая нанял легкое судно и, простившись, поехал в Гишпанию.

И как в Гишпанию прибыл, на пристанище растатесь[1] вышел и пошел в Мадриду, яко французской земли дворянин. И, вшедши во град, стал спрашивать двора министра Вильгельма, и указали ему. Тогда оной французской дворянин против оного министерского двора нанял квартеру [*л. 10 об.*] великою ценою за два покоя 50 ефимков на месяц, кроме трактира. И всячески стал из окон смотреть, како бы увидеть министерскую дочь, хотя в лице. Не мог[2] оного улучить уже близ месяца, понеже з двора никто никуда выхода не имеют, токмо со оного министерскаго двора едина старушка всякой день ходит. Тогда вышереченной французской дворянин об оном хозяйку свою испросил: „Какая ето старушка со двора всякой день ходит одна и куда?“. На что хозяйка сказала, что „оная министерской дочери мамка, а ходит в кирку“.[3] И оной дворянин фальшивой стал в тую же кирку[4] ходить, в которой и министерской [*л. 11*] дочери мамка ходит.

И в одно время, по совершении обедни, начал народ выходить из кирки,[5] в том числе и мамка. Тогда подошед к ней французской дворянин и, поклонясь, говорит: „Моя государоня, пожалуйте, скажите о себе, кто вы таковы?“. На что оная старушка, остановившись, сказала, что я покойнаго министра Вильгельма служительница, а ныне служу при дщери его. И дворянин стал ее просить лестно к себе на квартеру, чтобы заежжого человека не оставила оным приятельством. И оная мамка от таковаго лукаваго человека не могла никоим способом отговориться и простотою [*л. 11 об.*] своею пошла ко оному. А как в покой пошла, то оной дворянин так принял ласково, яко бы мать родную: посадя ея за стол, сам стал водку[6] подносить за здравие добрых сердец, и выпили. Тогда мамка стала торопиться домой, а оной дворянин стал унимать: „Пожалуй, матушка, посиди, я поистинне рад и для того столько материю называю, помня истинную свою матерь, понеже на вас очунь схожа была“. И подарил ея черного штофу, которого, хотя и не брала она, однако же сильно ей вручил, и, простившись, пошла в дом. И оной дворянин, до ворот провадивши, просил ея, чтобы и всегда посещением своим не оставляла, для того что [*л. 12*] знаемых никого нет.

---

[1] *Так в рукописи.*
[2] *В рукописи* не немог.
[3–4] *В рукописи* керку.
[5] *В рукописи* керки.
[6] *В рукописи* водну.